

УДК 81'373

ПАРЕМИЯ-ФРАЗЕОЛОГИЗМ-СЛОВО: ДИНАМИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ В ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В.И.Макаров

PROVERB-IDIOM-WORD: DYNAMICS OF USE IN TERMS OF FORENSIC LINGUISTICS

V.I.Makarov

Гуманитарный институт НовГУ, vladlen.makarov@novsu.ru

Анализируется смысловое содержание употребленных в тексте паремий в сопоставлении с исходными единицами. Делаются выводы о результатах воздействия процессов импликации на семантику употребленной паремии. Полученные результаты могут быть основанием для разработки способов представления паремиологических единиц в юрислингвистическом словаре.

Ключевые слова: *паремия, эксплицитность, имплицитность, юрислингвистика, фразеологизм*

The semantic content of proverbs used in the text in relation to the initial units is analyzed. Conclusions on the impact of semantics implication processes on the paremia used are reported. The results achieved provide a sound basis for presenting paremiological units in «Forensic linguistics dictionary of idioms».

Keywords: *paremia, phraseological unit, forensic linguistics, implication, explication*

Взаимоотношения вынесенных в заголовок языковых единиц изучаются в основном в двух направлениях.

1. С точки зрения диахронии, наблюдаются сложные процессы возникновения и распада указанных образований, причем исходным пунктом для исследователя становится та единица, которая интересна ему. Так, Ю.А.Гвоздарев рассматривал распад пословиц как одно из средств фразеологического образования [1]. В.М.Мокиенко определил фразеологию как динамическую систему, находящуюся под влиянием различных оппозиций, в том числе «имплицитность—эксплицитность». В результате ее действия мы наблюдаем изменения, ведущие как к образованию фразеологизмов и далее лексических единиц на основе пословиц, так и в обратном направлении — к разворачиванию фразеологизмов в пословицы [2]. В работе [3] приводится краткий, но емкий перечень исследований, посвященных вопросам образования фразеологизмов на базе пословиц и отдельных слов на базе фразеологизмов. Стоит подчеркнуть, что во всех случаях рассматривается ситуация, когда появление новой единицы уже состоялось и в подавляющем большинстве случаев закреплено в словарях. Небеспо-

лезно отметить, что квалификация перехода из пословицы во фразеологизм отличается у разных авторов в зависимости от того, какого — «узкого» или «широкого» — понимания объема и границ фразеологии он придерживается. Для представителей «широкого» подхода, разумеется, указанный процесс является примером внутрифразеологической деривации, для сторонников «узкого» — переход языковой единицы в новое качество.

2. С точки зрения синхронии, речь идет о том, что различные единицы в актах употребления представлены в форме, отличной от словарной, принимаемой как исходная. Как верно указывается в [4], использование пословиц и фразеологизмов сопровождается различными изменениями индивидуального характера, прежде всего лексического и структурного. Наряду с такого рода феноменами мы наблюдаем и процессы, схожие по форме с импликацией, заключающиеся в том, что языковые единицы представлены в контексте не полностью, а только частью своих компонентов. В отличие от импликаций, подобные эллиптические конструкции возникают (пока!) только «здесь и сейчас», их использование диктуется силами как объек-

тивного, так и субъективного плана, такими как закон экономии речевых усилий, стремление говорящего к краткости и выразительности, явление «фразеологической антиципации» (В.Л.Архангельский), заключающееся в том, что некоего фрагмента единицы в тексте достаточно для того, чтобы ее «опознать» в целом.

Полученные в итоге образования не имеют собственного языкового статуса, да и не претендуют на него в большинстве случаев.

Важной проблемой для нас является соотнесение использованной в тексте формы с исходной единицей; конкретно речь идет о том, является ли данная форма представителем единицы либо обладает собственным статусом.

И в диахронном, и в синхронном плане новые единицы могут как конденсировать в себе семантику исходных, так и получать новое, самостоятельное значение [5].

Данный вопрос нам важен прежде всего с точки зрения квалификации единиц с позиции юрлингвистики, реализации задач экспертиз. В практике лингвистической экспертизы текста основным опорным источником для выводов эксперта является словарь. Это объясняется необходимостью придать выводам объективность, авторитетность и легитимность, а также тем, что выводы экспертизы должны быть подтверждены в ходе следственного или судебного разбирательства, где, как правило, требуется документальное подтверждение фактов и выводов.

Ранее [6] нами рассматривались примеры использования отдельных компонентов фразеологизма и их квалификация в экспертизах.

С этой точки зрения описано три общих случая:

Изолированное использование компонентов ФЕ, сохраняющее очевидные смысловые и ассоциативные связи с фразеологизмом-источником; наличие дополнительных текстовых обертонов смысла не мешает четкому установлению данных связей;

Употребление, в котором равным образом можно усмотреть реализацию как фразеологической семантики, так и значения свободного словосочетания или отдельного слова — аналог «двойной актуализации»;

«Фиктивное» употребление фразеологизма, когда в контексте речь, безусловно, идет о реализации семантики свободного словосочетания или отдельного слова, которые совпадают по форме с ФЕ или ее компонентами.

В данной статье мы остановимся на взаимоотношениях фрагментов паремиологических единиц с их инвариантными формами.

Процесс использования паремий в тексте связан с осмыслением некоей реальной ситуации как соответствующей определенному стереотипу, образу, представленному в пословице [7].

Такие стереотипы, объективированные в виде пословиц, широко известны или говорящий обычно предполагает их известность участникам общения. Поэтому зачастую ему не требуется полностью их воспроизводить, достаточно намекнуть, указать.

Однако не будем забывать, что потенциально семантика фрагмента пословицы может отличаться от

ее целостного варианта. Каким образом возможно определить разницу?

Разберем несколько примеров. Прежде всего укажем на те случаи, когда воспроизведенный фрагмент безусловно представляет инвариант.

1. Сюда относятся все случаи, когда говорящий специально подчеркивает, что имеет в виду общеизвестную мудрость, при помощи маркеров «как говорится», «как утверждает пословица» и т.п.: «И вообще постоянное превознесение своих и поливание чужих это, с одной стороны, выглядит нудно, а, с другой стороны, полностью противоречит олимпийскому духу. Но, как говорится, черного кобеля... так что иллюзий я не строю». (<http://realcorwin.livejournal.com/377166.html>); «Деметьев не знает, видимо, русских поговорок: “Пожалел волк кобылу...”», что и сотворили ходоковские с подельниками с Россией» (Km.ru, 04.04.2014); «Действительно, как видим, некоторым одонцовленным нац-радикалам из “Нашей Украины” такое обследование не помешало бы. Хотя есть такая народная мудрость: фашиста могила исправит...» («Объективная газета», 2011, <http://www.og.com.ua/st180.html>).

2. Эллиптирование с интонацией незавершенности, при этом имеется абсолютное смысловое и коннотативное равенство с полной формой [8]. Цитируемый источник указывает на то, что в этом случае обязательным формальным признаком является воспроизведение первой части паремии: «Пожалел волк кобылу... — срок ни за что Квачкову уменьшили с 13 до 8 лет». («Севастополь», 13.07.2013); «Ворон ворону... Вряд ли кто сомневался, что Мосгорсуд прикроет пятна на мантиях судей Мосгорсуда...» <http://irekmurtazin.livejournal.com/1135045.html>). Безусловно, в этих случаях мы наблюдаем не только указанные формальные признаки, но и смысловое тождество исходной формы пословицы и понимания автором ситуации, которая служит предметом описания. То есть в первом случае речь идет не только о ханжеской жалости, но и о реальном участии «жалеющего» (в данном случае судебной системы) в незавидной судьбе жертвы; во втором — о сомнительной взаимовыручке «птиц одного полета» из того же судейского корпуса.

Однако зачастую соответствие формальным признакам не исключает смыслового сдвига в единице: «Пожалел волк кобылу... Тут Медведев заявил, что потрясён масштабами преследований бизнеса за экономические преступления. “Какой ужас!”» (<http://paidiev.livejournal.com/443811.html>). В данном случае речь может идти только об иронии по поводу удивленных сожалений государственного лица, которому по чину положено было бы больше знать о масштабах описываемого явления. Прямой вины Медведева в данной ситуации автор не видит. Налицо некоторое изменение исходного смысла.

Таким образом, основным критерием для признания факта эквивалентности фрагмента паремии ее полной форме может быть только смысловое тождество. Это возможно лишь в том случае, если контекст ясно указывает на ситуацию-прототип. Разберем несколько возможных вариантов.

1. Приводится фрагмент пословицы, и контекст поддерживает реализацию ситуации-прототипа.

«Пожалел волк кобылу, или О том, как работодатель “защитил” коллектив Ярославского ГОКа» («Утро России», 20.06.2011). Тема указанной статьи — директор предложил новый вариант трудового договора с коллективом, в котором отсутствовали элементарные социальные гарантии, а после того, как профсоюз несколько месяцев отказывался подписывать данное соглашение, вдруг выступил со статьёй, в которой обвинил профсоюз в том, что из-за его позиции работники весь этот период не пользовались гарантиями и льготами. Налицо и ложное сожаление, и вина в проблемах жертвы.

2. Приводится фрагмент пословицы, но контекст не поддерживает реализацию ситуации-прототипа.

«Закон не писан: возле ДОГА собираются решительные сторонники штурма. Около четырёхсот участников протеста — в основном молодые люди — решительно отправились к зданию областной администрации, не обращая внимания на напоминание ведущей о том, что данный митинг — исключительно мирный, а также о запрете на проведение акций возле административных зданий» (<http://www.donbass.ua>).

В данном случае исходная пословица «Дуракам закон не писан» реализуется не полностью. В статье идет речь об агрессивных молодых людях, но нигде даже не намекается на недостаток у них ума.

3. Приводится фрагмент исходной пословицы, но контекст поддерживает реализацию прототипической ситуации лишь отчасти.

«Откуда ноги растут, или Ворон ворону... Поэтому ЕС воевать с Россией не будет. Это не в Афгане на базах сидеть и мак растить. Да и Россия воевать с ЕС не будет» (<http://zasssr.info/node/3985>). В статье идет речь о том, что Россия и ЕС взаимно не заинтересованы в конфликте, однако это не объясняется их одинаковой природой, таким образом, прототипическая ситуация реализуется лишь частично.

4. Как вариант сокращения исходной формы пословицы можно рассмотреть и замену компонентов в пословице. Действительно, в акте употребления используется лишь часть исходной единицы, чаще всего обладающая некоей «валентностью». Например, глагольная часть пословицы, на которой делается смысловой акцент, дополняется существительным (существительными), конкретизирующими пословицу для текущей ситуации. Как и при простом сокращении пословицы, возможны полное соответствие ситуации-прототипу, частичная ее реализация или переосмысление.

А) Статья «Ректор у ректора дубинку украл» («Троицкий вариант», № 139, 2013) рассказывает о неправомерных заимствованиях в диссертационных исследованиях, сделанных, как оказалось, два раза, то есть жертва обмана сама же в свое время выступила в роли плагиатора.

Б) В то же время статья «Как демократ у демократа дубинку украл» («Утро», 10.08.07) рассказывает о ситуации, когда политическая партия, обвинившая коллег в подкупе избирателей, сама получила такое же обвинение: «Не успело “Яблоко” обвинить СПС в под-

купе избирателей, как неожиданно само оказалось главным обвиняемым в аналогичном преступлении». Если мы посмотрим на значение данной пословицы — ‘мошенник мошенника перехитрил’ [9], то обнаружим лишь частичное соответствие прототипической ситуации — да, субъекта ситуации обвиняют в том же, в чем он обвиняет другого, однако при этом назвать его жертвой можно с большой натяжкой, да и само обвинение выглядит пока лишь как гипотеза.

В) «Чемпионам закон не писан. Самый популярный спортсмен России Евгений Плющенко исключен из состава сборной России на чемпионат Европы по фигурному катанию. Несмотря на это, практически никто не сомневается, что на Олимпийские игры в Сочи спортсмен поедет» (<http://tvrain.ru>, 27.12.2013). В данном случае пишущий только отталкивается от ситуации-прототипа, значение модифицированной единицы новое, которое можно примерно сформулировать как ‘сильный, авторитетный человек живет по своим правилам’.

Таким образом, при всех изменениях внешней формы пословицы в контексте решающим фактором для соотношения речевой реализации и исходной единицы остается соответствие или несоответствие семантики ситуации-прототипа и той ситуации, о которой идет речь в конкретном тексте.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 14-34-01012 «Юрислингвистический фразеологический словарь».

1. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеобразования. Ростов н/Д, 1977. 184 с.
2. Мокленко В.М. Славянская фразеология. М.: Высшая школа, 1980. 207 с.
3. Ермакова Е.Н. Импликация как процесс развития современного русского языка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 1. С. 227-235.
4. Бондаренко В.Т., Сафонова Т.В. Импликация устойчивых фраз в русской речи: способы и результаты (на материале языка современных СМИ) // *Philologos*. 2011. № 10. С. 24-30.
5. Ермакова Е.Н. Указ. соч., с. 231; Бондаренко В.Т., Сафонова Т.В. Указ. соч., с. 28.
6. Макаров В.И. Изолированное употребление компонентов фразеологизмов в тексте (юрислингвистический аспект) // Вестник НовГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2013. № 72. С. 106-109.
7. Зевахина Т.С. Метафора мёртвая и живая: экспериментальный подход к паремиологии дунганского и китайского языков // Труды международного семинара «Диалог. 2002» [Электр. ресурс]. <http://www.dialog-21.ru/en/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7316>
8. Бондаренко В.Т., Сафонова Т.В. Указ. соч., с.25.
9. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2007. С. 54.

References

1. Gvozdarov Yu.A. Osnovy russkogo frazeobrazovaniya [Basics of Russian idioms formation]. Rostov-on-Don, 1977. 184 p.
2. Mokienko V.M. Slavyanskaya frazeologiya [Slavic phraseology]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1980. 207 p.
3. Ermakova E.N. Implikatsiya kak protsess razvitiya sovremennogo russkogo yazyka [Implication as a process of the modern Russian language development]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2013, no. 1, pp. 227-235.

4. Bondarenko V.T., Safonova T.V. Implikatsiya ustoychivyykh fraz v russkoy rechi: sposoby i rezul'taty (na materiale yazyka sovremennykh SMI) [Implication of fixed phrases in Russian speech: ways and results (in modern mass-media)]. *Filologos*, 2011, no10, pp. 24-30.
5. Ermakova E.N. Ibid., p. 231; Bondarenko V.T., Safonova T.V. Ibid., p. 28.
6. Makarov V.I. Izolirovannoe upotreblenie komponentov frazeologizmov v tekste (yurilingvisticheskiy aspekt) [Components of phraseological units in the isolated use (in terms of forensic linguistics)]. *Vestnik NovGU*, 2013, no 72, pp. 106-109.
7. Zevakhina T.S. Metafora mertvaya i zhivaya: eksperimental'nyy podkhod k paremiologii dunganskogo i kitayskogo yazykov [Living and dead metaphor: experimental approach to paremiology of Dungan and Chinese]. Conference Proceedings «Computational Linguistics and Intellectual Technologies». Available at: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/archive/2002/?year=2002&vol=22724&id=7316>. (In Russ).
8. Bondarenko V.T., Safonova T.V. Ibid., p. 25.
9. Zhukov V.P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok [Dictionary of the Russian proverbs and sayings]. Moscow, Russkiy yazyk Media Publ., 2007, p. 54. (In Russ).